

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
на соискание ученой степени доктора филологических наук
Кулагиной Ольги Львовны на тему:
«Сатиры А.Д. Кантемира: поэтика, контексты, интертексты»,
по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

Актуальность избранной диссертантом темы не вызывает сомнений. В последние десятилетия кантемироведение переживает расцвет, наблюдается растущий интерес к личности и творчеству А.Д. Кантемира. Заметным научным событием стало исследование и издание в 2004 году «Русско-французского словаря» Антиоха Кантемира. Тогда же вышел в свет фундаментальный труд Ю.К. Щеглова об А.Д. Кантемире. Важным и ценным вкладом в кантемироведение является рецензируемая диссертация О.Л. Кулагиной, открывающая новые горизонты в изучении творчества писателя и шире – в разработку аналитических подходов, применимых при изучении поэтического текста.

Автором диссертации теоретически разработан и практически осуществлен принципиально новый методологический подход к анализу сатир А.Д. Кантемира, заключающийся в микрофилологическом и многофокусном прочтении текстов и изучении их восприятия последующей русской поэзией. Предметом исследования О.Л. Кулагиной является «поэтика сатир, их единый художественный мир, во всей совокупности и взаимосвязи своих частей в контексте русской поэзии XVIII–первой половины XIX вв.» (с. 4). Положение о сатирах Кантемира как едином тексте основано на изучении их поэтического мира на всех его уровнях. Актуальность и новизна работы состоит «в выработке принципиально нового подхода к поэтике сатир Кантемира, в опыте комплексного анализа, в процессе которого учитываются все микроуровни текста в их системной взаимосвязи (с. 28).

О.Л. Кулагина справедливо отмечает, что «сатиры А.Д. Кантемира, как правило, анализируют только на идейном и тематическом уровне (так называемом “уровне содержания”), тем самым значительно обедняя их художественный смысл и авторский замысел. Если смотреть только уровень ЧТО — можно действительно увидеть просто набор прописных истин, хотя и звучащих сегодня очень актуально: например, слова о положении науки (“Наука оборвана, в лоскутах обшита....” и т.д.)» (с. 4). В работе практически нет рассуждений о жанре сатиры, Белинский цитируется весьма умеренно, зато возникают имена Р.О. Якобсона, В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова.

Автор диссертации строит свой анализ на признании сатир единым текстом — и шаг за шагом доказывает правомерность такого подхода. Мысль о том, что все сатиры, по сути, представляют собой единое текстовое пространство интересна, перспективна, дает простор для интерпретаций. Автор умело находит себе союзников, приводя соответствующие места из работ Пумпянского.

О.Л. Кулагина подходит к сатирам с непривычной стороны: «Радикально новым шагом является перенесение фокуса внимания с макроуровня (принадлежность к литературному направлению, жанру и т.д.) на микроуровень текста (анализ топики, формул, грамматики, поэтики, рифмы и т.д.)». Инструмент ее анализа — «микрофилологическая лупа» и свой метод она называет «микрофилологическим» и «многофокусным» (с. 34) — «это не один метод, это совокупность методов» (с. 16). Во вступлении подробно объяснено, в чём особенности метода. Главных отличий два: 1) направление взгляда исследователя — не от целого к частностям, а из глубины вверх; от микроуровней — на макроуровни; 2) этот метод подобен лучу рентгена: он сквозной — он сразу пронизывает все уровни текста. При таком подходе нельзя отдельно говорить о грамматике, отдельно о фонетике. Предлагается системный подход. Он может быть применён и к анализу любого другого автора.

В своём анализе О.Л. Кулагина пользуется термином «внутренние зеркала», понимая под этим полную взаимную проницаемость всех уровней текста сатир. В сатирах нет слова, которое встретилось бы всего один раз — и Кулагина считает, что повторы являются важной частью поэтики Кантемира, способом отражения мира в сатирах. Фактически каждое слово, в интерпретации Кулагиной, может стать призмой для путешествия по сатирам.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы (602 страницы). Каждая из глав подразделяется на параграфы; те — в свою очередь — на разделы, подразделы; всё мельче, мельче. И становится понятно, что такое микрофилологический анализ. Это приближение камеры, укрупнение — и новые повороты. Кажется, просто — но в процессе чтения работы видишь, сколь впечатляющи результаты такого обращения с филологическим микроскопом. Каждый раздел диссертации — это особый сюжет, в свою очередь состоящий из множества микросюжетов.

Очень информативно «Введение» (с. 4–42) — четко обозначены принятые методологические подходы и необходимые ограничения. Работа имеет выраженный риторический уклон — и такой подход обоснован во «Введении». О.Л. Кулагина свободно ориентируется в мире со-

ответствующих терминов и понятий. Подход к анализу текстов на основе риторики глубоко оправдан.

Следует отметить, что подход с точки зрения риторики позволяет также разрешить некоторые общетеоретические проблемы, казавшиеся неразрешимыми. В частности, это касается дискуссий, которые велись в критической литературе о Кантемире на протяжении XVIII и XIX веках вокруг двух основных вопросов: «1) подражательный или оригинальный характер его творчества; 2) наличие у Кантемира художественного дара» (с. 5; см. также с. 12). Кардинальное переосмысление риторики в XX в. привело к новому взгляду на проблему оригинального в творчестве. Вопреки традиционно сложившейся оценке, оригинальное отнюдь не выглядит как абсолютный критерий искусства. Как пишет А.В. Михайлов, «от культа шедевра, который сложился на протяжении XIX века, мало что осталось» и «все то, что в XIX веке, что под разными предлогами признавалось недостаточно оригинальным, имеет право претендовать на свою ценность совершенно независимо от того, оригинально оно или нет». Пространное рассуждение об относительности представлений о том, что есть оригинальность, А.В. Михайлов подытожил: «Требование оригинальности не абсолютно, не вечно, а есть только произведение определенной культуры» и еще: «Создать индивидуальный мир — это не значит претендовать на абсолютную оригинальность» (А.В. Михайлов. Языки культуры. М., 1997. С. 858). Подходить к Кантемиру — писателю, принадлежащему эпохе риторической словесности, с критерием оригинальности — бесплодная попытка.

Первая глава диссертации О.Л. Кулагиной (с. 43–234) посвящена, по терминологии автора, «уровню КАК» — архитектонике сатир, основным принципам, на которых строится их мир. Здесь применен богатый исследовательский инструментарий. О.Л. Кулагина выделяет две четвёрки теснейшим образом взаимосвязанных между собой операций: основная четвёрка — индукция, антитеза, декорум, разнообразие; «вспомогательная» — четыре основных комбинаторных действия, известных с античности: прибавление, убавление, замена, перестановка.

Для описания сатир О.Л. Кулагина использует метафору организма, а в роли кровеносной системы выступает, по её определению, система универсальных оппозиций. Принцип анализа сквозь призму разных оппозиций оказывается очень продуктивным. О.Л. «проводит» сатиры через несколько оппозиций разных уровней: края / середина, старость / молодость, сон / бессонница, правда / ложь — и каждый раз возникают новые грани смысла.

В разделе, посвященном грамматике, много неожиданных поворотов: например, сюжет об оппозиции до-/недо — как грамматическом

стержне сатир или о роли отрицательных частиц. Совершенно новые и интересные наблюдения – в параграфе «Существительные. Число единственное / множественное». Из приведенных в диссертации примеров следует, что «переход от единственного числа к множественному – это всегда сигнал снижения, деиндивидуализации, подведения под общее» (с. 122); и еще: «Микрофилологические наблюдения над изменением числа и падежа существительных... каждая микродеталь в сатирах является сигнификатором какого-то важного явления» (с. 126).

Раздел о фонетике, о фонетических жестах тоже представляется неожиданным: вздохи пахаря (пахарь с сохой то вздохнет, то охнет) или подъячий, что «сух, худ, ссох» добавляют новые оттенки к восприятию сатир. Описаны фонетические жесты, аллитерации, ассонаны.

Новым представляется и взгляд на механизм иронии в сатирах. Автор диссертации убедительно показывает, как Кантемир водит читателя «между литотой и гиперболой». Стратегия «посрамления образца» жива и поныне.

Оказывается, даже имена персонажей складываются в систему. О.Л. Кулагина предлагает остроумное решение проблемы двойных имён в сатирах.

И заглавия в интерпретации О.Л. Кулагиной тоже оказываются системой.

Раздел о риторических фигурах также открывает в мире сатир неожиданные параллели, взаимосвязи. Анализ всей системы риторических фигур на основе четырех основных комбинаторных операций выглядит перспективно.

Интересна идея о реализации в сатирах филологических идей XX века. Каждый новый фокус – анализ всех сатир сквозь призму новой оппозиции – это принцип *остранения*. Подход совершенно новый и очень перспективный, открывающий пути к вариативности, многообразию способов прочтения сатир (сквозь призму разных оппозиций) – а значит, к многообразию интерпретаций, что ведет к углублению понимания поэтики сатир и их ключевой роли в становлении литературной традиции.

В целом первая глава позволяет увидеть, насколько сложно и стройно организованы сатиры Кантемира.

В диссертации О.Л.Кулагиной, по сути, две больших работы, тесно взаимосвязанных. Каждая могла бы стать отдельной темой. Первая – о том, как устроены сатиры Кантемира. Вторая – о том, что Кантемир оставил русской поэзии. О.Л. Кулагина приводит грустные слова Брюсова о том, что Кантемир, конечно, много сделал – но его мало знали и поэтому русской поэзии пришлось заново пройти этот путь. Но автор диссертации справедливо считает, что это не повод забыть сделанное

Кантемиром. О.Л. Кулагина пишет, что Кантемир выполнил для русской литературы операцию *inventio*, создал фонд готового слова, но русская поэзия, пользуясь этим фондом четвёртый век, часто не помнит имени создателя и отказывается выполнить операцию *inventio* в отношении самого Кантемира. Автор диссертации подробно отмечает следы текстов Кантемира в творчестве последующих поэтов. В работе прочерчены длинные линии связей – прямых (генетических), косвенных – от Кантемира до XX века. Действительно нужен подробный словарь-тезаврус поэтики Кантемира, чтобы следы его влияния стали очевидны. Хотя и те примеры, что приводит О.Л. Кулагина, впечатляют.

О.Л. Кулагина показывает, что подходить к вопросу о влиянии, о творческом взаимодействии можно с разных сторон. Индуктивный подход, «от мелочи, от детали» оказывается не менее продуктивным, чем пафосный, проблемный.

В чём новизна подхода, который О.Л. Кулагина называет «микро-филологическим»?

О.Л. Кулагина анализирует не просто подробно — она буквально разбирает текст сатир на составные элементы – кирпичики (лексические, грамматические, фонетические, вплоть до буквенных). Но этот разбор — не самоцель, а средство, чтобы показать, как устроены сатиры и какие присутствующие в них первоэлементы пригодились русской поэзии.

Анализ О.Л. Кулагиной доказывает, что принцип системности действует на всех уровнях; в сатирах действительно нет ничего случайного: всё строго функционально, продуманно и логично.

Во второй главе речь (с. 235–508) идёт об «уровне ЧТО» — о тематическом наполнении того каркаса сатир, который был представлен в первой главе. Автор пользуется выражением «фонд готового слова», восходящим к А.Н. Веселовскому. По определению Кулагиной, фонд готового слова — это универсальная система топики и приёмов; Что писать и КАК писать. И дальше О.Л. Кулагина показывает, что именно содержится в этом фонде, который Кантемир оставил в наследство русской поэзии. А содержится там полное описание человека — его тела, семьи, дома, еды и питья, одежды и обуви, профессий, отношений с людьми и т.д. Фактически «энциклопедия русской жизни».

Чрезвычайно интересен глубокий и проницательный анализ системы метафорических кодов сатир, он очень подробно описан — это метафорика семейная, огненная, водная, метеорологическая, соляная, ткацкая, кулинарная, бестиарная и т.д. Всеми этими приёмами мы пользуемся по сей день.

Следующие параграфы посвящены мифологическому, бестиарному, эмблематическому кодам. О.Л. Кулагина подробно описывает роль

этих кодов в общем замысле сатир. И постоянно приводятся примеры из последующей русской поэзии. На каждый элемент, на каждый штрих из сатир есть примеры. Чаще всего – из Пушкина.

Третья глава (с. 509–560) посвящена Кантемиру-поэтологу. Развернут внутренне строго организованный поэтологический каталог, направлявший движение творческой мысли писателя. И здесь автор диссертации тоже проводит последовательный систематический анализ. В основе её подхода – семь персонажей универсального поэтологического сюжета, выведенного А.Е. Маховым.

Третья глава – своего рода синтез: это глава о том, как мир человека, мир вещей становится миром слова. Главное слово здесь – КАК. О.Л. Кулагину интересуют именно механизмы, приёмы (если угодно – рецепты) создания поэтического произведения, которые Кантемир оставляет в наследство русской поэзии.

Что же мы видим, прочтя работу? Мы видим, какой действительно интересный и недооценённый автор Кантемир. Работа О.Л. Кулагиной позволяет совершенно по-новому взглянуть на Кантемира: оказывается, он не просто сатирик, живший в начале XVIII века и обличавший пороки старинным слогом, а ключевой автор, чью роль в создании традиции ещё предстоит осознать.

Кулагина ясно показывает, насколько в сатирах всё взаимосвязано и продумано до мелочей.

Кажется, материал небольшой – но это только кажется: взгляд вглубь позволяет видеть, как много скрыто в этом тексте, сегодня практически не читаемом; взгляд вширь позволяет привлечь к разговору практически всю последующую русскую литературу. Автор диссертации ограничивает хронологические рамки пушкинской эпохой (хотя в работе есть примеры и из поэзии XX в.) и берёт материал для параллелей только из поэзии – но совершенно очевидно, что метод, который использует О.Л. Кулагина для прочтения сатир, абсолютно универсален и подходит для анализа любых художественных текстов.

Работа ясно показывает, как много может дать изменение фокуса исследования.

Научные результаты, содержащиеся в диссертации, базируются на новом методологическом подходе к анализу поэтических произведений. Авторская концепция и выводы обоснованы, научные положения, сформулированные в диссертации, являются новыми.

Высокая степень обоснованности положений и выводов доказывается объемом источников в списке литературы (466 наименований), апробацией результатов исследования на международных и всероссийских

научных конференциях. В конце каждой главы и в заключении работы сделаны четкие выводы.

Успешность диссертационного исследования обусловлена широтой эрудиции автора диссертации, применением нового методологического подхода, основанного на микрофилологическом проникновении в художественную ткань поэтического текста, мастерством тщательного и тонкого анализа, проницательностью наблюдений.

По теме диссертации опубликованы пять монографий. Основные положения исследования изложены в 63 научных работах. Список публикаций в научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 10.01.01. включает 24 позиции. Список статей, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских диссертаций, состоит из 35 наименований. Работы неоднократно обсуждались на научных конференциях и получили одобрение ведущих специалистов.

Теоретическое значение диссертационной работы заключается в принципиально новом подходе к поэтике Кантемира, в целостном и последовательном анализе такого сложно устроенного явления, как сатиры писателя; в разработке методологических оснований для изучения литературного текста и сопоставительного анализа произведений разных писателей, что имеет важное значение для решения вопроса «о нижней границе начала нового периода в истории русской литературы» (с. 39). Работа открывает новые перспективы дальнейшего изучения поэтики Кантемира в направлениях «вширь» и «вглубь»: первое – это создание словаря-тезауруса поэтики Кантемира, второе – создание кантемировской энциклопедии, кумулирующей в себе информацию о всех гранях богатой творческой личности Кантемира (с. 561).

Практическая значимость результатов исследования состоит в разработке аналитических подходов, применимых при изучении поэтического текста. Микрофилологический подход является универсальным, он может быть применен при изучении творчества любого автора. Результаты и выводы, полученные диссертантом, могут быть использованы в педагогической практике – в вузовских лекциях и спецкурсах по теоретической и исторической поэтике, практических занятиях по интерпретации литературного произведения.

Учитывая значение приведенных в работе материалов, наблюдений и выводов, новизну и оригинальность исследования было бы целесообразно опубликовать на основе диссертации монографию.

В работе есть дискуссионные моменты.

1. Автор диссертации обогащает инструментарий филолога новыми понятиями – неологизмами: «микрофилология», «микрофилологический» подход / анализ и «микрофилолог» (с. 32, 34, 35). Если определение «микрофилологический» безусловно оправдано, так как отражает суть методологии работы на всех микроуровнях текста, то термин «микрофилолог» (как, впрочем, и «микрофилология») не столь безусловен. В нем заключена внутренняя двусмысленность и парадоксальность. Представляется, что термин «микрофилолог» излишний и без него можно обойтись. Можно ли сказать, что большой ученый Д.С. Лихачев, освоивший и применявший в своих штудиях методику медленного чтения, которой он научился в семинаре у профессора Л.В. Щербы, «микрофилолог»? Исследователь, применяющий микрофилологический метод, не обязательно «микрофилолог». Хотя понятие «микрофилолог» образовано по той же модели, что и «микробиолог», однако, слова эти глубоко различны не только по содержанию, но и по своей внутренней природе. «Микробиология» и «микробиолог» имеют *предметом* своего изучения микроорганизмы. «Микрофилологический анализ» и работа «микрофилолога», направленные на детальное изучение «микроконструкций» всех уровней текста, соотносятся с *методикой* исследования. Можно говорить о филологии, использующей микрофилологический подход.

Далее. В вопросе об определении границ начальной точки отсчета русской литературы Нового времени автор диссертации исходит из суждения Л.В. Пумпянского о том, что «Кантемир – первый русский писатель в современном значении слова и в этом смысле правы были просветители XIX в. (например, Белинский) и созданная ими критическая и школьная традиция, начинавшая Кантемиром историю русской литературы» (с. 19). С тех пор, когда Л.В. Пумпянский написал в 1941 году свою работу о Кантемире, появилось немало глубоких отечественных и зарубежных исследований, посвященных литературе, языку и культуре предшествующей эпохи. Ситуация кардинально переосмыслена к настоящему моменту. Трудami историков, лингвистов, литературоведов, занимающихся изучением периодом Средневековья и XVII века, нижняя граница Нового времени отодвигается еще ниже – к середине XVII в. С этого времени начинается отсчет периода, который называется раннее Новое время. Русская литература Нового времени возникает не на пустом месте. Вместе с тем она вырастает не из литературы средневековой и не является исключительно результатом усвоения опыта западноевропейского классицизма, но в значительной мере укоренена в культуре раннего Нового времени. Состояние, в котором пребывает культура этого периода, уже нельзя охарактеризовать как «средневековое», а литературу – как исключительно «древнерусскую». В по-

следние два десятилетия изданы литературные памятники, определяющие лицо эпохи. Симеон Полоцкий стал первым в русской словесности, кто осознал литературу как свое жизненное призвание и как профессиональное литературное занятие. Утвердившийся, как аксиома, тезис о разрыве между Кантемиром, Тредиаковским, Ломоносовым и предшествующей традицией не выдерживает проверки при непредвзятом исследовании. Русская литература Нового времени возникает не на пустом месте. «Новаторство и преемственность, – это, по словам В.М. Живова, – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие начала. И Кантемир, и Тредиаковский, и Ломоносов обучались словесным наукам в Славяно-греко-латинской академии: с какими-то элементами школьного наследия они расстались, но какие-то, видимо, сохранили». Некоторые из описанных в диссертации приемов поэтики Кантемира можно наблюдать в творчестве писателей предшествующей поры. Например, риторическим приемом просопопеи в сатиру Кантемира вводятся в действие персонификации Ума и Ноги (с. 168, 214, 261, 262). «Ноги» – как сказано в работе, – связаны в сатирах «с мотивом пути, дороги...» (с. 261). Еще раньше, те же персонажи появляются у придворного поэта Кариона Истомина в стихотворной «Книге Любви знак...» (1689), написанной на свадьбу Петра I. Ум обращается к чувствам с просьбой прославить царскую свадьбу, а Ноги приходят на свадебный пир и произносят приветствие новобрачным. А с мотивом пути ноги связаны уже в Библии: «Слово твое светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс 118: 105).

Дискуссионным представляется и положение о том, что «Феофан и Кантемир... заложили основы бестиарного текста русской поэзии» (с. 453). Данный тезис требует корректировки. Свод морального знания, каким является «Вертоград многоцветный», Симеон Полоцкий наполнил множеством животных. Они, как и у Кантемира, дают урок людям. Онагр и крокодил, лев и слон, голубь и ворон, ехидна и скорпион, орел и сокол, пчела и муха, козел и овца, змий и жаба, волк и заяц и др. – все они бытуют здесь метафорически, как образы, направленные к постижению внутренней сущности человеческих поступков и взаимоотношений. Симеон Полоцкий написал значительно больше басен, чем Кантемир и Тредиаковский, которые считаются основоположниками оригинальной басни в русской литературе.

Далее. В параграфе «Эмблематические коды сатир» (с. 482 и далее) убедительно проанализирована эмблематическая природа сатир Кантемира, доказана возможность их эмблематического прочтения. При этом отмечено, что «слово “эмблема” не встречается в сатирах Кантемира ни разу» (с. 483). Приведенный материал дает, однако, основание для того, чтобы снова

отметить связь Кантемира с предшествующей традицией. У Симеона Полоцкого слово «эмблема» встречается неоднократно: в латиноязычной поэтике как название жанровой формы, и как название произведения на церковнославянском языке: циклом из девяти эмблем «Емлимата и их толкования стихами краесогласными равномернее сложенная» завершается траурная поэма Симеона Полоцкого на кончину царицы Марии Ильиничны Милославской.

Есть отдельные замечания.

В параграфе «Микрокосм. Человек» по поводу слова «живот» (в V-й сатире) сказано: «Живот по парегменону воспринимается как синоним жизни» (с. 261). Но уже в церковнославянском и в древнерусском языках «Жизнь» и есть первое лексическое значение слова «Живот» – безотносительно к фигуре парегменона. Впервые такое значение зафиксировано уже в «Изборнике 1076 года».

Далее. О метафоре «вкушать покой». На с. 299 читаем: «У Пушкина часто встречается глагол “вкушать”, и внутренней семантической кулинарной памяти у него отнять нельзя: “И, мир забыв и им забвенный, / Покой души вкушаю вновь...”» («Послание к Юдину»). Дело здесь не в «кулинарной памяти» поэта, а в памяти языка, в памяти культуры. Метафоры с глаголом «вкушать» зафиксированы в словарях церковнославянского и древнерусского языков начиная с XI в.: «греха же не вкушает», «блуд вкушать», «вкушати сна».

Следует учесть, что хотя в «Русско-французском словаре» Кантемира нашел отражение языковой узус, сформировавшийся в контексте французской культуры, однако при всей своей новизне Кантемир ещё тесно связан со стихией церковнославянского языка. В основу своего «Русско-французского словаря» он положил словник «Лексикона треязычного» (1704) Федора Поликарпова, который в свою очередь опирался на «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды (1627) – это авторы, действовавшие еще в рамках традиции греко-славянской книжности, которая была для них свидетельством приобщенности к истинно православной культуре и Священному Писанию.

Высказанные замечания носят частный и дискуссионный характер и не умаляют значимости и достоинств диссертационного исследования О.Л. Кулагиной, не снижают общей научной, теоретической и практической значимости предоставленной работы. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «Русская литература» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском

государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кулагина Ольга Львовна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Главный научный сотрудник
ФГБУН ИМЛИ имени А.М. Горького РАН
САЗОНОВА Лидия Ивановна

Л. Сазонова

Контактные данные:

тел.: 7 (495) 6905030, e-mail: info@imli.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.01.08 – «Теория литературы. Текстология»

10.01.01 – «Русская литература»

Адрес места работы:

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук

Сайт: www.imli.ru

Телефон: 7 (495) 6905030;

E-mail: info@imli.ru

Подпись сотрудника Сазоновой Лидии Ивановны
удостоверяю:

Ученый секретарь ИМЛИ РАН

Юлия Вадимовна Шевчук

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН